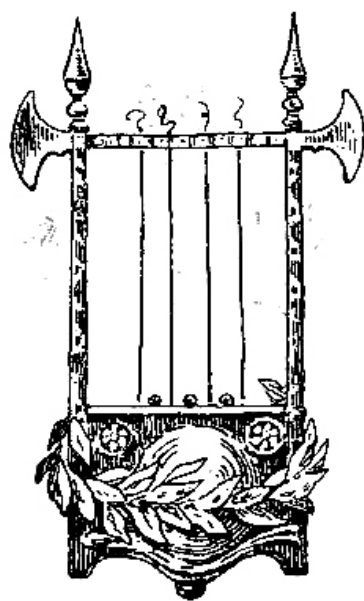

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

Памяти Чехова.

А. Куприкъ.

Памяти Чехова.

Онъ между нами жилъ...

Бывало, въ раннемъ дѣтствѣ, вернешься послѣ долгихъ лѣтнихъ каникулъ въ пансіонъ. Все сѣро, казарменно, пахнетъ свѣжей масляной краской и мастикой, товарищи грубы, начальство недоброжелательно. Пока день—еще крѣпишься кое-какъ, хотя сердце,—нѣтъ, нѣтъ,—и сожмется внезапно отъ тоски. Занимаютъ встрѣчи, поражаютъ перемены въ лицахъ, оглушаютъ шумъ и движеніе.

Но, когда настанетъ вечеръ, и возня въ полутемной спальнѣ уляжется,—о, какая нестерпимая скорбь, какое отчаяніе овладѣваютъ маленькой душой. Гры-

зешь подушку, подавляя рыданія, шепчешь милыя имена и плачешь, плачешь жаркими слезами и знаешь, что никогда не насытишь ими своего горя. И вотъ тогда-то понимаешь впервые весь потрясающій ужасъ двухъ неумолимыхъ вещей: невозвратимости прошлаго и чувства одиночества. Кажется, что сейчасъ же съ радостью отдалъ бы всю остальную жизнь, перенесъ бы всяческія мученія за одинъ только день того свѣтлаго, прекраснаго существованія, которое никогда не повторится. Кажется, ловилъ бы каждое милое, заботливое слово и заключалъ его навсегда въ памяти, впивалъ бы въ душу медленно и жадно, капля по каплѣ, каждую ласку. И жестоко терзаешься мыслью, что по небрежности, въ суетѣ, и потому что время представлялось неисчерпаемымъ,— ты не воспользовался каждымъ часомъ, каждымъ мгновеніемъ, промелькнувшимъ напрасно.

Дѣтскія скорби жгучи, но онѣ растаютъ во снѣ, и исчезнутъ съ завтрашнимъ солнцемъ. Мы, взрослые, не чувствуемъ ихъ такъ страстно, но помнимъ дольше и скорбимъ глубже. Вскорѣ послѣ похоронъ Чехова, возвращаясь съ панихиды, бывшей на кладбищѣ, одинъ большой писатель сказалъ простыя, но полныя значенія слова:

— Вотъ, похоронили мы его, и уже проходить безнадежная острота этой потери. Но понимаете ли вы, что навсегда, до конца дней нашихъ останется въ насъ ровное, тупое, печальное сознаніе, что Чехова нѣтъ?

И вотъ теперь, когда его нѣтъ, особенно мучительно чувствуешь, какъ драгоцѣнно было каждое его слово, улыбка, движеніе, взглядъ, въ которыхъ свѣтилась его прекрасная, избранная, аристократическая душа. Жалѣешь, что не всегда былъ внимателенъ къ тѣмъ особеннымъ мелочамъ, которыя иногда сильнѣе и интимнѣе говорятъ о внутреннемъ человѣкѣ, чѣмъ крупныя дѣла. Упрекаешь себя въ томъ, что изъ-за суеты жизни не успѣлъ запомнить, записать много интерес-

наго, характернаго, важнаго. И въ то же время знаешь, что эти чувства раздѣляютъ съ тобою всѣ тѣ, кто были близокъ къ нему, кто истинно любилъ его, какъ чловѣка несравненнаго душевнаго изящества и красоты, кто съ вѣчной признательностью будетъ чтить его память, какъ память одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей.

Къ любви, къ нѣжной и тонкой печали этихъ людей я обращаю настоящія строки.

I.

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городомъ, глубоко подъ бѣлой и пыльной аутской дорогой. Не знаю, кто ее строилъ, но она была, пожалуй, самымъ оригинальнымъ зданіемъ въ Ялтѣ. Вся бѣлая, чистая, легкая, красиво несимметричная, построенная внѣ какого-нибудь опредѣленнаго архитектурнаго стиля, съ вышкой въ видѣ башни, съ неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и съ открытой террасой вверху, съ разбросанными—то широкими, то узкими окнами, она походила бы на зданія въ стилѣ *moderne*, если бы въ ея планѣ не чувствовалась чѣто внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкусъ. Дача стояла въ углу сада, окруженная цвѣтникомъ. Къ саду, со стороны, параллельной шоссе, примыкало, отдѣленное низкой стѣнкой, старое татарское кладбище, всегда зеленое, тихое и безлюдное, со скромными каменными плитами на могилахъ.

Цвѣтничокъ былъ маленькій, далеко не пышный, а фруктовый садъ еще очень молодой. Росли въ немъ груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. Въ послѣдніе годы садъ уже началъ приносить кое-какіе плоды, доставляя Антону Павловичу много заботъ и трогательнаго, какого-то дѣтскаго удовольствія. Когда наступало время сбора миндальныхъ орѣховъ, то ихъ снимали и въ чеховскомъ саду. Лежали они

обыкновенно маленькой горкой въ гостинной на подоконникѣ, и, кажется, ни у кого не хватало жестокости брать ихъ, хотя ихъ и предлагали.

А. П. не любилъ и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишкомъ мало защищена отъ пыли, летящей сверху, съ аутскаго шоссе, что садъ плохо снабженъ водою. Не любя вообще Крыма, а въ особенности Ялты, онъ съ особенной, ревливой любовью относился къ своему саду. Многіе видѣли, какъ онъ иногда по утрамъ, сидя на корточкахъ, заботливо обмазывалъ сѣрой стволы розъ, или выдергивалъ сорныя травы изъ клумбъ. А какое бывало торжество, когда среди лѣтней засухи, наконецъ, шелъ дождь, наполнявшій запасныя глиняныя цистерны!

Но не чувство собственника сказывалось въ этой хлопотливой любви, а другое, болѣе мощное и мудрое сознаніе. Какъ часто говорилъ онъ, глядя на свой садъ прищуренными глазами:

— Послушайте, при мнѣ здѣсь посажено каждое дерево и, конечно, мнѣ это дорого. Но и не это важно. Вѣдь здѣсь до меня былъ пустырь и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли,—прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры,—знаете ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна.

Эта мысль о красотѣ грядущей жизни, такъ ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всѣхъ его послѣднихъ произведеніяхъ, была и въ жизни одной изъ самыхъ его задушевныхъ, наиболѣе лелѣмыхъ мыслей. Какъ часто, должно быть, думалъ онъ о будущемъ счастіи человѣчества, когда, по утрамъ, одинъ, молчаливо подрѣзывалъ свои розы или внимательно осматривалъ раненый вѣтромъ молодой побѣгъ. И сколько было въ этой мысли кроткаго, мудраго и покорнаго самозабвенія!

Нѣтъ, это не была заочная жажда существованія, идущая отъ ненасытимаго человѣческаго сердца и цѣпляющаяся за жизнь, это не было—ни жадное любопытство къ тому, что будетъ послѣ меня, ни завистливая грусть къ далекимъ поколѣніямъ. Это была тоска исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомѣрно страдающей отъ пошлости, грубости, скуки, праздности, насилія, дикости — отъ всего ужаса и темноты современныхъ будней. И потому-то, подѣ конецъ его жизни, когда пришла къ нему огромная слава и сравнительная обезпеченность, и преданная любовь къ нему всего, что было въ русскомъ обществѣ умнаго, талантливаго и честнаго,— онъ не замкнулся въ недостижимости холоднаго величія, не впалъ въ пророческое учительство, не ушелъ въ ядовитую и мелочную ревность къ чужой извѣстности. Нѣтъ, вся сумма его громаднаго и тяжелаго житейскаго опыта, всѣ его огорченія, скорби, радости и разочарованія — выразились въ этой прекрасной, тоскливой, самоотверженной мечтѣ о грядущемъ, близкомъ; хотя и чужомъ счастьи:

— Какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ!

И потому-то онъ съ одинаковой любовью ухаживалъ за цвѣтами, точно видя въ нихъ символъ будущей красоты, и слѣдилъ за новыми путями, пролагаемыми человѣческимъ умомъ и знаніемъ. Онъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на новыя зданія оригинальной постройки и на большіе морскіе пароходы, живо интересовался всякимъ послѣднимъ изобрѣтеніемъ въ области техники и не скучалъ въ обществѣ специалистовъ. Онъ съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ о томъ, что преступленія въ родѣ убійства, воровства и прелюбодѣянія становятся все рѣже, почти исчезаютъ въ настоящемъ интеллигентномъ обществѣ, въ средѣ учителей, докторовъ, писателей. Онъ вѣрилъ въ то, что грядущая, истинная культура облагородитъ чело-вѣчество.

Разсказывая о чеховскомъ садѣ, я позабылъ упо-

мянуть, что посрединѣ его стояли качели и деревянная скамейка. И то и другое осталось отъ „Дяди Вани“, съ которымъ Художественный театръ прїѣзжалъ въ Ялту, прїѣзжалъ, кажется, съ исключительной цѣлью показать больному тогда А. П.—чу постановку его пьесы. Обоими предметами Чеховъ чрезвычайно дорожилъ и, показывая ихъ, всегда съ признательностью вспоминалъ о миломъ вниманіи къ нему Художественнаго театра.

II.

Во дворѣ жили: ручной журавль и двѣ собаки. Надо замѣтить, что Антонъ Павловичъ очень любилъ всѣхъ животныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, кошекъ, къ которымъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Собаки же пользовались его особымъ расположеніемъ. О покойной Каштанкѣ, о мелеховскихъ таксахъ Бромъ и Хинъ онъ вспоминалъ такъ тепло и въ такихъ выраженіяхъ, какъ вспоминаютъ объ умершихъ друзьяхъ. „Славный народъ—собаки!“—говорилъ онъ иногда съ добродушной улыбкой.

Журавль былъ важная, степенная птица. Къ людямъ онъ относился вообще недовѣрчиво, но велъ тѣсную дружбу съ Арсеніемъ, слугой Антона Павловича. За Арсеніемъ онъ бѣгалъ всюду, по двору, и по саду, причемъ уморительно подпрыгивалъ на ходу и махалъ растопыренными крыльями, исполняя характерный журавлиный танецъ, всегда смѣшившій Антона Павловича.

Одну собаку звали „Тузикъ“, а другую—„Каштанъ“, въ честь прежней, мелеховской „Каштанки“, носившей это имя. Ничѣмъ, кромѣ глупости и лѣности, этотъ Каштанъ, впрочемъ, не отличался. По внѣшнему виду онъ былъ толстъ, гладокъ и неуклюжъ, свѣтло-шоколаднаго цвѣта, съ бессмысленными желтыми глазами. Вслѣдъ за Тузикомъ онъ лаялъ на чужихъ, но стоило его поманить и почмокать ему, какъ онъ тсг-

часть же переворачивался на спину и начиналъ угодливо извиваться по землѣ. Антонъ Павловичъ легкопко отстранялъ его палкой, когда онъ лѣзъ съ нѣжностями, и говорилъ съ притворной суровостью:

— Уйди, уйди, дуракъ... Не приставай.

И прибавлялъ, обращаясь къ собесѣднику, съ досадой, но со смѣющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не повѣрите, до чего онъ глупъ.

Но однажды случилось, что Каштанъ, по свойственной ему глупости и неповоротливости, попалъ подъ колеса фаэтона, который раздавилъ ему ногу. Бѣдный песь прибѣжалъ домой на трехъ лапахъ, съ ужасающимъ воемъ. Задняя нога была вся исковеркана, кожа и мясо прорваны почти до кости, лилась кровь. Антонъ Павловичъ тотчасъ же промылъ рану теплой водой съ сулемой, присыпалъ ее іодоформомъ и перевязалъ марлевымъ бинтомъ. И надо было видѣть, съ какой нѣжностью, какъ ловко и осторожно прикасались его большіе милые пальцы къ ободранной ногѣ собаки, и съ какой сострадательной укоризной бранилъ онъ и уговаривалъ визжавшаго Каштана:

— Ахъ ты, глупый, глупый... Ну, какъ тебя угораздило?.. Да тише ты... легче будетъ... дурачокъ...

Приходится повторить избитое мѣсто, но несомнѣнно, что животныя и дѣти инстинктивно тянулись къ Чехову. Иногда приходила къ А. П. одна больная барышня, приводившая съ собою дѣвочку лѣтъ 3—4-хъ, сиротку, которую она взяла на воспитаніе. Между крошечнымъ ребенкомъ и пожилымъ, грустнымъ и больнымъ человѣкомъ, знаменитымъ писателемъ, установилась какая-то особенная, серьезная и довѣрчивая дружба. Подолгу сидѣли они рядомъ на скамейкѣ, на верандѣ; А. П. внимательно и сосредоточенно слушалъ, а она безъ умолку лепетала ему свои дѣтскія наивныя слова и путалась рученками въ его бородѣ.

Съ большой и сердечной любовью относились къ Чехову и всѣ люди попроще, съ которыми онъ сталъ

кивался: слуги, разносчики, носильщики, странники, почтальоны—и не только съ любовью, но и съ тонкой чуткостью, съ бережностью и съ пониманіемъ. Не могу не рассказать здѣсь одного случая, который передаю со словъ очевидца, маленькаго служащаго въ Р. О. II. и Т., человѣка положительнаго, немногословнаго и, главное, совершенно непосредственнаго въ воспріятіи и передачѣ своихъ впечатлѣній.

Это было осенью. Чеховъ, возвращавшійся изъ Москвы, только-что пріѣхалъ на пароходѣ изъ Севастополя въ Ялту и еще не успѣлъ сойти съ палубы. Былъ промежутокъ той сумятицы, криковъ и безтолочи, которые всегда поднимаются вслѣдъ за тѣмъ, какъ опустятъ сходни. Въ это-то суматошное время, татаринъ-носильщикъ, всегда услуживавшій А. П—чу и увидѣвшій его еще издали, раньше другихъ успѣлъ взобраться на пароходъ, разыскалъ вещи Чехова и уже готовился нести ихъ внизъ, какъ на него внезапно налетѣлъ бравый и свирѣпый помощникъ капитана. Этотъ человѣкъ не ограничился одними непристойными ругательствами, но въ порывѣ начальственнаго гнѣва ударилъ бѣднаго татарина по лицу.

— И вотъ тогда произошла сверхъестественная сцена,—разсказывалъ мой знакомый.—Татаринъ бросаетъ вещи на палубу, бьетъ себя въ грудь кулаками и, вытаращивъ глаза, лѣзетъ на помощника. И въ то же время кричитъ на всю пристань:

— Что? Ты бьешься? Ты думаешь, ты меня ударилъ? Ты—вотъ кого ударилъ!

И показываетъ пальцемъ на Чехова. А Чеховъ, знаете ли, подходитъ, блѣдный весь, губы трясутся. Подходитъ къ помощнику и говоритъ ему тихо такъ, раздѣльно, но съ необычайнымъ выраженіемъ: „Какъ вамъ не стыдно!“ Повѣрите ли, ей-Богу, будь я на мѣстѣ этого мореплавателя,—лучше бы мнѣ двадцать разъ въ морду дали, чѣмъ услышать это: „какъ вамъ не стыдно“. И на что ужъ морякъ былъ толстокожъ, но и того проняло; заметался—заметался, забормоталъ

что-то и вдругъ испарился. И ужъ больше его на палубѣ не видѣли.

III.

Кабинетъ въ ялтинскомъ домѣ у А. П. былъ небольшой, шаговъ 10 въ длину и 6 въ ширину, скромный, но дышавшій какой-то своеобразной прелестью. Прямо противъ входной двери—большое квадратное окно въ рамѣ изъ цвѣтныхъ желтыхъ стеколъ. Съ лѣвой стороны отъ входа, около окна, перпендикулярно къ нему—письменный столъ, а за нимъ маленькая ниша, освѣщенная сверху, изъ-подъ потолка, крошечнымъ окошечкомъ; въ нишѣ—турецкій диванъ. Съ правой стороны, посрединѣ стѣны — коричневый кафельный каминъ; наверху, въ его облицовкѣ, оставлено небольшое незадѣланное плиткой мѣстечко, и въ немъ небрежно, но мило написано красками вечернее поле съ уходящими вдаль стогами—это работа Левитана. Дальше, по той же сторонѣ, въ самомъ углу — дверь, сквозь которую видна холостая спальня Антона Павловича, — свѣтлая, веселая комната, сіяющая какой-то дѣвической чистотой, бѣлизной и невинностью. Стѣны кабинета — въ темныхъ съ золотомъ обояхъ, а около письменнаго стола виситъ печатный плакатъ: „просить не курить“. Сейчасъ же возлѣ входной двери, направо — шкафъ съ книгами. На каминѣ нѣсколько бездѣлушекъ и между ними прекрасно сдѣланная модель парусной шкуны. Много хорошенькихъ вещицъ изъ кости и изъ дерева и на письменномъ столѣ; почему-то преобладаютъ фигуры слоновъ. На стѣнахъ портреты — Толстого, Григоровича, Тургенева. На отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, на вѣрообразной подставкѣ, множество фотографій артистовъ и писателей. По обоимъ бокамъ окна спускаются прямые, тяжелые, темные занавѣски, на полу большой, восточнаго рисунка, коверъ: эта драпировка смягчаетъ всѣ контуры и еще больше темнитъ кабинетъ, но благодаря ей, ровнѣе и пріятнѣе ложится свѣтъ изъ окна на письменный

етоль. Пахнет тонкими духами, до которыхъ А. П. всегда былъ охотникъ. Изъ окна видна открытая подковообразная лощина, спускающаяся далеко къ морю, и самое море, окруженное амфитеатромъ домовъ. Слева же, справа и сзади дома громоздятся полукольцомъ горы. По вечерамъ, когда въ гористыхъ окрестностяхъ Ялты зажигаются огни, и когда во мракъ эти огни и звѣзды надъ ними такъ близко сливаются, что не отличаешь ихъ другъ отъ друга,—тогда вся окружающая мѣстность очень напоминаетъ иные уголки Тифлиса...

Всегда бываетъ такъ: познакомишься съ человѣкомъ, изучишь его наружность, походку, голосъ, манеры, и все-таки всегда можешь вызвать въ памяти его лицо такимъ, какимъ его видѣлъ въ первый разъ, совсѣмъ другимъ, отличнымъ отъ настоящаго. Такъ и у меня, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ знакомства съ А. П. сохранился въ памяти тотъ Чеховъ, какимъ я его увидѣлъ впервые, въ общемъ залѣ Лондонской гостиницы въ Одессѣ. Показался онъ мнѣ тогда почти высокаго роста, худощавымъ, но широкимъ въ костяхъ, нѣсколько суровымъ на видъ. Слѣдовъ болѣзни въ немъ тогда не было замѣтно, если не считать его походки,—слабой и точно на немного согнутыхъ колѣняхъ. Если бы меня спросили тогда, на кого онъ похожъ съ перваго взгляда, я бы сказалъ: на земскаго врача или на учителя провинціальной гимназіи. Но было въ немъ также что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное — въ лицѣ, въ говорѣ и въ оборотахъ рѣчи, была также какая-то кажущаяся московская студенческая небрежность въ манерахъ. Именно такое первое впечатлѣніе выносили многіе, и я въ томъ числѣ. Но, спустя нѣсколько часовъ, я увидѣлъ совсѣмъ другого Чехова,—именно того Чехова, лицо котораго никогда не могла уловить фотографія и которое, къ сожалѣнію, не понималъ и не прочувствовалъ ни одинъ изъ писавшихъ съ него художниковъ. Я увидѣлъ самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человѣческое

лицо, какое только мнѣ приходилось встрѣчать въ моей жизни.

Многіе въ послѣдствіи говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это—ошибка, но ошибка до страннаго общая всѣмъ, знавшимъ его. Глаза у него были темные, почти каріе, причемъ раёкъ праваго глаза былъ окрашенъ значительно сильнѣе, что придавало взгляду А. П., при нѣкоторыхъ поворотахъ головы, выраженіе разсѣянности. Верхнія вѣки нѣсколько нависали надъ глазами, что такъ часто наблюдается у художниковъ, у охотниковъ, у моряковъ—словомъ, у людей съ сосредоточеннымъ зрѣніемъ. Благодаря *pinse-nez* и манерѣ глядѣть сквозь низъ его стеколъ, нѣсколько приподнявъ кверху голову, лицо А. П. часто казалось суровымъ. Но надо было видѣть Чехова въ инныя минуты (увы, столь рѣдкія въ послѣдніе годы), когда имъ овладѣвало веселье, и когда онъ, быстрымъ движеніемъ руки сбрасывая *pinse-nez* и покачиваясь взадъ и впередъ на креслѣ, разражался милымъ, искреннимъ и глубокимъ смѣхомъ. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, съ добрыми морщинками у наружныхъ угловъ, и весь онъ тогда напоминалъ тотъ юношескій извѣстный портретъ, гдѣ онъ изображенъ почти безбородымъ, съ улыбающимся, близорукимъ и наивнымъ взглядомъ нѣсколько исподлобья. И вотъ удивительно,—каждый разъ, когда я гляжу на этотъ снимокъ, я не могу отдѣлаться отъ мысли, что у Чехова глаза были дѣйствительно голубые.

Обращалъ вниманіе въ наружности А. П. его лобъ—широкій, бѣлый и чистый, прекрасной формы: лишь въ самое послѣднее время на немъ легли между бровями, у переносья, двѣ вертикальныя задумчивыя складки. Уши у Чехова были большія, некрасивой формы, но другія такіа умныя, интеллигентныя уши я видѣлъ еще лишь у одного человѣка—у Толстого.

Прошлымъ лѣтомъ, пользуясь добрымъ настроеніемъ духа у Антона Павловича, я сдѣлалъ съ него нѣсколько

снимковъ ручнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Но, къ несчастью, лучшіе изъ нихъ и чрезвычайно похожіе вышли совсѣмъ блѣдными, благодаря слабому освѣщенію кабинета. Про другіе же, болѣе удачныя, самъ А. П. сказалъ, посмотрѣвъ на нихъ:

— Ну, знаете ли, это не я, а какой-то французъ.

Помнится мнѣ теперь очень живо пожатіе его большой, сухой и горячей руки, — пожатіе всегда очень крѣпкое, мужественное, но въ то же время сдержанное, точно скрывающее что-то. Представляю также себѣ и его почеркъ: тонкій, безъ нажимовъ, ужасно мелкій, съ перваго взгляда — небрежный и некрасивый, но, если къ нему приглядѣться, очень ясный, нѣжный и характерный, какъ и все, что въ немъ было.

IV.

Вставалъ А. П., по крайней мѣрѣ, лѣтомъ, довольно рано. Никто даже изъ самыхъ близкихъ людей не видалъ его небрежно одѣтымъ; также не любилъ онъ разныхъ домашнихъ вольностей, въ родѣ туфель, халатовъ и тужурокъ. Въ восемь-девять часовъ его уже можно было застать ходящимъ по кабинету, или за письменнымъ столомъ, какъ всегда, безукоризненно, изящно и скромно одѣтаго.

Повидимому, самое лучшее время для работы приходилось у него отъ утра до обѣда, хотя пишущимъ его, кажется, никому не удавалось заставить: въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно скрытенъ и стыдливъ. Зато нерѣдко въ хорошія теплыя утра его можно было видѣть на скамейкѣ, за домомъ, въ самомъ укромномъ мѣстѣ дачи, тамъ, гдѣ вдоль бѣлыхъ стѣнъ стояли кадки съ олеандрами. Тамъ сидѣлъ онъ иногда по часу и болѣе, одинъ, не двигаясь, сложивъ руки на колѣняхъ и глядя впередъ, на море.

Около полудня и позднѣе домъ его начиналъ наполняться посѣтителями. Въ это же время на желѣзныхъ рѣшеткахъ, отдѣляющихъ усадьбу отъ шоссе,

висли цѣлыми часами любопытствующія дѣвицы въ бѣлыхъ, войлочныхъ широкополыхъ шляпахъ. Самые разнообразные люди пріѣзжали къ Чехову: ученые, литераторы, земскіе дѣятели, доктора, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессора, свѣтскіе люди, сенаторы, священники, актеры — и Богъ знаетъ, кто еще. Часто обращались къ нему за совѣтомъ, за протекціей, еще чаще съ просьбой о просмотрѣ рукописи; являлись развязные газетные интервьюеры и просто любопытствующие; были и такіе, которые посѣщали его съ единственною цѣлью направить этотъ большой, но заблудшій талантъ въ надлежащую, идейную сторону. Приходила просящая бѣдность — и настоящая, и мнимая. Эти никогда не встрѣчали отказа. Я не считаю себя въ правѣ упоминать о частныхъ случаяхъ, но твердо и навѣрно знаю, что щедрость Чехова, особенно по отношенію къ учащейся молодежи, была несравненно шире того, что ему позволяли его болѣе чѣмъ скромныя средства.

Бывали у него люди всѣхъ слоевъ, всѣхъ лагерей и оттѣнковъ. Несмотря на утомительность такого постоянного человѣческаго круговорота, тутъ было нѣчто и привлекательное для Чехова. Онъ изъ первыхъ рукъ, изъ первоисточниковъ, знакомился со всѣмъ, что дѣлалось въ данную минуту въ Россіи. О, какъ ошибались тѣ, которые въ печати и въ своемъ воображеніи называли его человѣкомъ равнодушнымъ къ общественнымъ интересамъ, къ мятущейся жизни интеллигенціи, къ жгучимъ вопросамъ современности. Онъ за всѣмъ слѣдилъ пристально и вдумчиво; онъ волновался, мучился и болѣлъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣли лучшіе русскіе люди. Надо было видѣть, какъ въ извѣстныя черныя времена, когда при немъ говорили о недѣльных, темныхъ и злыхъ явленіяхъ нашей общественной жизни, — надо было видѣть, какъ сурово и печально сдвигались его густыя брови, какимъ страдальческимъ дѣлалось его лицо и какая глубокая, высшая скорбь свѣтилась въ его прекрасныхъ глазахъ.

Здѣсь умѣстно вспомнить объ одномъ фактѣ, который, по моему, прекрасно освѣщаетъ отношеніе Чехова къ нелѣпостямъ русской дѣйствительности. У многихъ въ памяти его отказъ отъ званія почетнаго академика, извѣстны и мотивы этого отказа, но далеко не всѣ знаютъ его письмо въ Академію по этому поводу—прекрасное письмо, написанное съ простымъ и благороднымъ достоинствомъ, со сдержаннымъ негодованіемъ великой души. Академія, ревнующая о красотѣ и чистотѣ русскаго языка, должна была бы отмѣтить это письмо, какъ лучший образецъ эпистолярной формы. Привожу его текстъ:

„Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики, и я не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст., выборы признаются недѣйствительными, причемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ изъ Академіи наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ придти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика“.

А. Чеховъ.

Странно—до чего не понимали Чехова. Онъ—этотъ „неисправимый пессимистъ“, какъ его опредѣляли,—никогда не уставалъ надѣяться на свѣтлое будущее, никогда не переставалъ вѣрить въ незримую, но упорную и плодотворную работу лучшихъ силъ нашей ро-

дины. Кто изъ знавшихъ его близко не помнитъ этой обычной, излюбленной его фразы, которую онъ такъ часто, иногда даже совсѣмъ не въ тактъ разговору, произносилъ вдругъ своимъ увѣреннымъ тономъ:

— Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція.

Да, даже и здѣсь звучалъ у него тотъ же мотивъ о радостномъ будущемъ, ждущемъ человѣчество, который отозвался во всѣхъ его произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Надо сказать правду: далеко не всѣ посѣтители щадили время и нервы А. П.—ча, а иные такъ просто были безжалостны. Помню я одинъ случай, поразительный, почти анекдотически невѣроятный по тому огромному запасу пошлости и неделикатности, который обнаружило лицо интеллигентнаго какъ будто бы званія.

Было хорошее, не жаркое, безвѣтренное лѣтнее утро. А. П. чувствовалъ себя на рѣдкость въ легкомъ, живомъ и безпечномъ настроеніи. И вотъ появляется, точно съ неба, толстый господинъ (оказавшійся впоследствии архитекторомъ), посылаетъ Чехову свою визитную карточку и проситъ свиданія. А. П. принимаетъ его. Архитекторъ входитъ, знакомится и, не обращая никакого вниманія на плакатъ „просить не курить“, не спрашивая позволенія, закуриваетъ вонючую, огромную нѣмецкую сигару. Затѣмъ, отвѣсивъ, какъ неизбѣжный долгъ, нѣсколько булыжныхъ комплиментовъ хозяину, онъ приступаетъ къ приведенному его дѣлу.

Дѣло же заключается въ томъ, что сынокъ архитектора, гимназистъ III класса, бѣжалъ на-дняхъ по улицѣ и, по свойственной гимназистамъ привычкѣ, хватался на бѣгу рукой за все, что попадалось: за фонари, тумбы, заборы. Въ концѣ-концовъ, онъ напоролся рукой на колючую проволоку и сильно оцарапалъ ладонь. „Такъ вотъ, видите ли, глубокоуважаемый А. П.,—заклучилъ свой рассказъ архитекторъ,—я бы очень просилъ васъ напечатать объ этомъ въ

корреспонденціи. Хорошо, что Коля ободралъ только ладонь, но вѣдь это — случай, онъ могъ бы задѣть какую-нибудь важную артерію — и что бы тогда вышло? — „Да все это очень прискорбно, — отвѣтилъ Чеховъ, — но, къ сожалѣнію, я ничѣмъ не могу вамъ помочь. Я не пишу, да никогда и не писалъ корреспонденцій. Я пишу только рассказы“. — „Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Вставьте это въ рассказъ, — обрадовался архитекторъ. — Пропечатайте этого домовладѣльца съ полной фамиліей. Можете даже и мою фамилію представить, я и на это согласенъ... Или нѣтъ... все-таки лучше мою фамилію не цѣликомъ, а просто поставьте: господинъ С. Такъ, пожалуйста... А то вѣдь у насъ только и осталось теперь два настоящихъ либеральныхъ писателя — вы и г. NN.“ (и тутъ архитекторъ назвалъ имя одного извѣстнаго литературнаго закройщика).

Я не сумѣлъ передать и сотой доли тѣхъ ужасающихъ пошлостей, которыя наговорилъ оскорбленный въ родительскихъ чувствахъ архитекторъ, потому что за время своего визита онъ успѣлъ докурить сигару до конца и потомъ долго приходилось провѣтривать кабинетъ отъ ея зловоннаго дыма. Но, когда онъ, наконецъ, удалился, А. П. вышелъ въ садъ совершенно разстроенный, съ красными пятнами на щекахъ. Голосъ у него дрожалъ, когда онъ обратился съ упрекомъ къ своей сестрѣ Маріи Павловнѣ и къ сидѣвшему съ ней на скамейкѣ знакомому:

— Господа, неужели вы не могли избавить меня отъ этого человѣка? Прислали бы сказать, что меня зовутъ куда-нибудь. Онъ меня измучилъ!

Помню также — и это, каюсь, моя вина, — какъ пріѣхалъ къ нему выразить свое читательское одобреніе нѣкій самоувѣренный штатскій генералъ, который, вѣроятно, желая доставить Чехову удовольствіе, началъ, широко разставивъ колѣни и упершись въ нихъ кулаками вывернутыхъ рукъ, всячески поносить одного молодого писателя, громадная извѣстность котораго

тогда только еще начинала расти. И Чеховъ тотчасъ же сжался, ушелъ въ себя и все время сидѣлъ съ опущенными глазами, съ холоднымъ лицомъ, не проронивъ ни одного слова. И только по быстрому укоряющему взгляду, который онъ бросилъ, при прощаніи, на знакомаго, приведшаго генерала, можно было видѣть, какъ много огорченія принесъ ему этотъ визитъ.

Также стыдливо и холодно относился онъ и къ похваламъ, которыя ему расточали. Бывало, уйдетъ въ нишу, на диванъ, рѣсницы у него дрогнуть и медленно опустятся и уже не поднимаются больше, а лицо сдѣлается неподвижнымъ и сумрачнымъ. Иногда, если эти неумѣренные восторги исходили отъ болѣе близкаго ему человѣка, онъ старался обратить разговоръ въ шутку, свернуть его на другое направленіе. Вдругъ скажетъ, ни съ того, ни съ сего, съ легкимъ смѣшкомъ:

— Ужасно люблю читать, что обо мнѣ одесскіе репортеры пишутъ.

— Почему такъ?

— Смѣшно очень. Все врутъ. Ко мнѣ прошлой весной явился одинъ изъ нихъ въ гостиницу. Просить интервью. А у меня какъ разъ времени не было. Я и говорю: „извините, я теперь занятъ. Да, впрочемъ, пишите, что вздумается. Мнѣ все равно“. Ну, ужъ онъ и написалъ. Меня даже въ жаръ бросило.

А однажды онъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ сказалъ:

— Что вы думаете: меня вѣдь въ Ялтѣ каждый извозчикъ знаетъ. Такъ и говорятъ: „а! Чеховъ? Это, который читатель? Знаю“. Почему-то называютъ меня читателемъ. Можетъ быть, они думаютъ, что я по покойникамъ читаю? Вотъ вы бы, батенька, спросили когда-нибудь извозчика, чѣмъ я занимаюсь...

V.

Въ часъ дня у Чехова обѣдали внизу, въ прохладной и свѣтлой столовой, и почти всегда за столомъ

бывалъ кто-нибудь приглашенный. Трудно было не поддаться обаянію этой простой, милой, ласковой семьи. Тутъ чувствовалась постоянная нѣжная заботливость и любовь, но не отягощенная ни однимъ пышнымъ или громкимъ словомъ,— удивительная деликатность, чуткость и вниманіе, но никогда не выходящія изъ рамокъ обыкновенныхъ, какъ будто умышленно-будничныхъ отношеній. И, кромѣ того, всегда замѣчалась истинно чеховская боязнь всего надутаго, приподнятаго, неискренняго и пошлаго. Было въ этой семьѣ очень легко, тепло и уютно, и я совершенно понимаю одного писателя, который сказалъ, что онъ влюбленъ во всѣхъ Чеховыхъ.

Антонъ Павловичъ, какъ всегда его помню, ѣлъ чрезвычайно мало и не любилъ сидѣть за столомъ, а все, бывало, ходилъ отъ окна къ двери и обратно. Часто послѣ обѣда, оставшись въ столовой съ кѣмъ-нибудь одинъ на одинъ, Евгенія Яковлевна (мать А. П.) говорила тихонько, съ безцоккойной тоской въ голосѣ:

— А Антоша опять ничего не ѣлъ за обѣдомъ.

Онъ былъ очень гостепріименъ, любилъ, когда у него оставались обѣдать, и умѣлъ угощать на свой особенный ладъ, просто и радушно. Бывало, скажетъ кому-нибудь, остановившись у него за стуломъ:

— Послушайте, выпейте водки. Я, когда былъ молодой и здоровый, любилъ. Собираешь цѣлое утро грибы, устанешь, едва домой дойдешь, а передъ обѣдомъ выпьешь рюмки двѣ, или три. Чудесно!..

Послѣ обѣда онъ пилъ чай наверху, на открытой террасѣ, или у себя въ кабинетѣ, или спускался въ садъ и сидѣлъ тамъ на скамейкѣ, въ пальто и съ тросточкой, надвинувъ на самые глаза мягкую черную шляпу и поглядывая изъ-подъ ея полей прищуренными глазами.

Эти же часы бывали самыми людными. Постоянно спрашивали по телефону, можно ли видѣть А. П.—ча, постоянно кто-нибудь пріѣзжалъ. Приходили незнако-

мые, съ просьбами о карточкахъ, о подписяхъ на книгахъ. Бывали здѣсь и смѣшные курьезы.

Одинъ „тамбовскій помѣщикъ“, какъ окрестилъ его Чеховъ, пріѣхалъ къ нему за врачебной помощью. Тщетно А. П. увѣрялъ, что онъ давно бросилъ практику и отсталъ въ медицинѣ, напрасно рекомендовалъ обратиться къ болѣе опытному доктору, — „тамбовскій помѣщикъ“ стоялъ на своемъ: никакимъ докторамъ, кромѣ Чехова, онъ не хочетъ вѣрить. Волей-неволей пришлось дать ему нѣсколько незначительныхъ, совершенно невинныхъ совѣтовъ. Прощаясь, „тамбовскій помѣщикъ“ положилъ на столъ два золотыхъ и, какъ его не уговаривалъ А. П., ни за что не соглашался взять ихъ обратно. Антонъ Павловичъ принужденъ былъ уступить. Онъ сказалъ, что, не желая и не считая себя въ правѣ брать эти деньги, какъ гонораръ, онъ возьметъ ихъ на нужды ялтинскаго благотворительнаго общества и тутъ же написалъ росписку въ ихъ полученіи. Оказывается, только того и нужно было „тамбовскому помѣщику“. Съ сіяющимъ лицомъ, бережно спряталъ онъ росписку въ бумажникъ и тогда ужъ признался, что единственной цѣлью его посѣщенія было желаніе пріобрѣсти автографъ Чехова. Объ этомъ оригинальномъ и настойчивомъ пациентѣ А. П. рассказывалъ мнѣ самъ — полусмѣясь, полусердито.

Повторяю, многіе изъ этихъ посѣтителей порядкомъ донимали Чехова и даже раздражали его, но, по собственной ему изумительной деликатности, онъ со всѣми оставался ровень, терпѣливо-внимателенъ, доступенъ всѣмъ, желавшимъ его видѣть. Эта деликатность его доходила порою до той трогательной черты, которая граничитъ съ безволіемъ. Такъ, напримѣръ, одна добрая и суетливая дама, большая поклонница Чехова, подарила ему, кажется, въ день его именинъ, огромнаго сидячаго мопса, сдѣланнаго изъ раскрашеннаго гипса, аршина въ $1\frac{1}{2}$, высотой отъ земли, т. е. раза въ два больше натурального роста. Мопса этого поса-

дили внизу на площадкѣ, около столовой, и онъ сидѣлъ тамъ съ разъяренной мордой и оскаленными зубами, пугая всѣхъ, забывавшихъ о немъ, своей мертвой неподвижностью.

— Знаете, я самъ этого каменнаго пса боюсь,— признавался Чеховъ.—А убрать его какъ-то неловко, обидятся. Пусть ужъ тутъ живетъ.

И вдругъ, съ глазами, загорававшимися смѣхомъ, онъ прибавлялъ неожиданно, по своему обыкновению:

— А вы замѣтили, что въ домахъ богатыхъ евреевъ такіе мопсы часто сидятъ у камина?

Въ иные дни его просто угнетали всякіе хвалители, порицатели, поклонники и даже совѣтчики. „У меня такая масса посѣтителей,— жаловался онъ въ одномъ письмѣ,—что голова ходитъ кругомъ. Трудно писать“. Но все-таки онъ не оставался равнодушнымъ къ искреннему чувству любви и уваженія и всегда отличалъ его отъ праздно и льстиво болтовни. Какъ-то разъ онъ вернулся въ очень веселомъ настроеніи духа съ набережной, гдѣ онъ изрѣдка прогуливался, и съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ:

— У меня была сейчасъ чудесная встрѣча. На набережной вдругъ подходитъ ко мнѣ офицеръ артиллеристъ, совсѣмъ молодой еще, подпоручикъ. — „Вы А. П. Чеховъ?“ — „Да, это я. Что вамъ угодно?“ — „Извините меня за навязчивость, но мнѣ такъ давно хочется пожать вашу руку!“ И покраснѣлъ. Такой чудесный малый и лицо милое. Пожали мы другъ другу руки и разошлись.

Всего лучше чувствовалъ себя А. П. къ вечеру, часамъ къ семи, когда въ столовой опять собирались къ чаю и легкому ужину. Здѣсь иногда—по годъ отъ году все рѣже и рѣже—воскресалъ въ немъ прежній Чеховъ, неистощимо веселый, остроумный, съ кинучимъ, неотразимымъ юношескимъ юморомъ. Тогда онъ импровизировалъ цѣлыя исторіи, гдѣ дѣйствующими лицами являлись его знакомые, и особенно охотно устраивалъ воображаемыя свадьбы, которыя иногда кончались

тѣмъ, что на другой день утромъ, сидя за чаемъ, молодой мужъ говорилъ вскользь, небрежнымъ и дѣловымъ тономъ:

— Знаешь, милая, а послѣ чаю мы съ тобой одѣнемся и поѣдемъ къ нотаріусу. Къ чему тебѣ лишнія заботы о твоихъ деньгахъ?

Придумывалъ онъ удивительныя—чеховскія—фамиліи, изъ которыхъ я теперь—увы!—помню только одного миѳическаго матроса Кошкодавленко. Любилъ онъ также, шутя, старить писателей. „Что вы говорите,—Бунинъ мой сверстникъ,—увѣрялъ онъ съ напускной серьезностью,—Телешовъ тоже. Онъ уже старый писатель. Вы спросите его сами: онъ вамъ расскажетъ, какъ мы съ нимъ гуляли на свадьбѣ у И. А. Бѣлоусова. Когда это было!“ Одному талантливому беллетристу, серьезному, идейному писателю онъ говорилъ: „Послушайте же, вѣдь вы на двадцать лѣтъ меня старше. Вѣдь это вы раньше писали подъ псевдонимомъ Несторъ Кукольникъ“...

Но никогда отъ его шутокъ не оставалось занозъ въ сердцѣ, такъ же какъ никогда въ своей жизни этотъ удивительно-нѣжный человѣкъ не причинилъ сознательно даже самаго маленькаго страданія ничему живущему.

Послѣ ужина онъ неизмѣнно задерживалъ кого-нибудь у себя въ кабинетѣ на полчаса, или на часъ. На письменномъ столѣ зажигались свѣчи. А потомъ, когда уже всѣ расходились и онъ оставался одинъ, то еще долго свѣтился огонь въ его большомъ окнѣ. Писалъ ли онъ въ это время, или разбирался въ своихъ памятныхъ книжкахъ, заноса впечатлѣнія дня—это, кажется, не было никому извѣстно.

VI.

Вообще, мы почти ничего не знаемъ не только о тайнахъ его творчества, но даже и о внѣшнихъ, привычныхъ приемахъ его работы. Въ этомъ отношеніи

А. П. былъ до страннаго скрытенъ и молчаливъ. Помню, какъ-то мимоходомъ онъ сказалъ очень значительную фразу.

— Только спаси васъ Богъ читать кому-нибудь свои произведенія, пока они не напечатаны. Даже въ корректурѣ не читайте.

Такъ онъ и самъ поступалъ постоянно, хотя иногда дѣлалъ исключенія для жены и сестры. Раньше, говорятъ, онъ былъ щедрѣе на этотъ счетъ.

Это было въ то время, когда онъ писалъ очень много и очень быстро. Онъ самъ говорилъ, что писалъ тогда по разсказу въ день. Объ этомъ же разсказывала и Е. Я. Чехова. „Бывало, еще студентомъ, Антоша сидитъ утромъ за чаемъ и вдругъ задумается, смотреть иногда прямо въ глаза, а я знаю, что онъ ужъ ничего не видитъ. Потомъ достанетъ изъ кармана книжку и пишетъ быстро, быстро. И опять задумается“...

Но въ послѣдніе годы Чеховъ сталъ относиться къ себѣ все строже и все требовательнѣе: держалъ разсказы по нѣскольку лѣтъ, не переставая ихъ исправлять и переписывать, и все-таки, несмотря на такую кропотливую работу, корректуры, возвращавшіяся отъ него, бывали кругомъ испещрены знаками, помѣтками и вставками. Для того, чтобы окончить произведеніе, онъ долженъ былъ писать его, не стрываясь. „Если я надолго оставлю разсказъ,—говорилъ онъ какъ-то,—то уже не могу потомъ приняться за его окончаніе. Мнѣ надо тогда начинать снова!“

Гдѣ онъ черпалъ свои образы? Гдѣ находилъ свои наблюденія и сравненія? Гдѣ онъ выковывалъ свой великолѣпный, единственный въ русской литературѣ языкъ? Онъ никому не повѣрялъ и не обнаруживалъ своихъ творческихъ путей. Говорятъ, послѣ него осталось много записныхъ книжекъ; можетъ быть, въ нихъ современемъ найдутся ключи къ этимъ сокровеннымъ тайнамъ? А можетъ быть, онѣ и навсегда останутся неразгаданными? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ мы

должны довольствоваться въ этомъ направленіи только осторожными намеками и предположеніями.

Я думаю, что всегда, съ утра до вечера, а можетъ быть, даже и ночью, во снѣ и безсонницѣ, совершалась въ немъ незримая, но упорная, порою даже безсознательная работа, — работа взвѣшиванія, опредѣленія и запоминанія. Онъ умѣлъ слушать и разспрашивать, какъ никто, но часто, среди живого разговора, можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда-то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершавшееся въ его душѣ. Тогда-то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражающіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые такъ смущали многихъ. Только-что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксистахъ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: „послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это интересно“. Или вторично предлагаетъ вопросъ, на который только-что получилъ отвѣтъ.

Внѣшней, механической памятью Чеховъ не отличался. Я говорю про ту мелочную память, которой такъ часто обладаютъ въ сильной степени женщины и крестьяне, и которая состоитъ въ запоминаніи того, кто какъ былъ одѣтъ, носить ли бороду и усы, какая была цѣпочка отъ часовъ и какіе сапоги, какого цвѣта волосы. Просто эти детали были для него неважны и неинтересны. Но зато онъ сразу бралъ всего человѣка, опредѣлялъ быстро и вѣрно, точно опытный химикъ, его удѣльный вѣсъ, качества и порядокъ и уже зналъ, какъ очертить его главную, внутреннюю суть двумя-тремя штрихами.

Однажды Чеховъ съ легкимъ неудовольствіемъ говорилъ о своемъ хорошемъ знакомомъ, извѣстномъ ученомъ, который, несмотря на давнюю дружбу, нѣсколько утѣснялъ А. П.—ча своей многословностью. Какъ только пріѣдетъ въ Ялту, сейчасъ же является къ Чехову и сидитъ съ утра до обѣда; въ обѣдъ уѣдетъ къ себѣ въ

гостинницу на полчаса, а тамъ опять приѣзжаетъ и сидитъ до глубокой ночи и все говорить, говорить, говорить... И такъ каждый день.

И вдругъ, быстро обрывая этотъ рассказъ, точно увлекаемый новой, интересной мыслью, А. П. прибавлялъ оживленно:

— А вѣдь никто не догадывается, что—самое характерное въ этомъ человѣкѣ. А я вотъ знаю. То, что онъ профессоръ и ученый съ европейскимъ именемъ—это для него второстепенное. Главное то, что онъ считаетъ себя въ душѣ замѣчательнымъ актеромъ и глубоко вѣрить въ то, что только по волѣ случая онъ не приобрѣлъ на сценѣ міровой извѣстности. Дома онъ постоянно читаетъ вслухъ Островскаго.

Однажды, улыбаясь своему воспоминанію, онъ вдругъ замѣтилъ:

— Знаете: Москва—самый характерный городъ. Въ ней все неожиданно. Выходимъ мы какъ-то утромъ съ публицистомъ С—нымъ изъ Большого Московскаго. Это было послѣ длиннаго и веселаго ужина. Вдругъ С—нъ тащить меня къ Иверской, здѣсь же, напротивъ. Вынимаетъ пригоршню мѣди и начинаетъ одѣлять нищихъ—ихъ тамъ десятки. Сунетъ копѣечку и бормочетъ: о здравіи раба Божія Михаила. Это его Михаилъ зовутъ. И опять: раба Божія Михаила, раба Божія Михаила... А самъ въ Бога не вѣритъ... Чудакъ...

Тутъ я долженъ подойти къ щекотливому мѣсту, которое, можетъ быть, не всѣмъ понравится. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что Чеховъ съ одинаковымъ вниманіемъ и съ одинаковымъ проникновеннымъ любопытствомъ разговаривалъ съ ученымъ и съ разносчикомъ, съ просящимъ на бѣдность и съ литераторомъ, съ крупнымъ земскимъ дѣятелемъ и съ сомнительнымъ монахомъ, и съ приказчикомъ, и съ маленькимъ почтовымъ чиновникомъ, отсылавшимъ ему корреспонденцію. Не оттого ли у него въ рассказахъ профессоръ говоритъ и думаетъ именно какъ старый профессоръ, а бродяга, какъ истый бродяга? И не оттого ли

у него тотчасъ же послѣ его смерти отыскалось такое множество „закадычныхъ“ друзей, за которыхъ онъ, по ихъ словамъ, былъ готовъ въ огонь и даже въ воду?

Думается, что онъ никому не раскрывалъ и не отдавалъ своего сердца вполнѣ (была, впрочемъ, легенда о какомъ-то его близкомъ, любимомъ другѣ, чиновникѣ изъ Таганрога). Но ко всѣмъ относился благодушно, безразлично въ смыслѣ дружбы, и въ то же время съ большимъ, можетъ быть, бессознательнымъ интересомъ.

Свои чеховскія словечки и эти изумительныя по своей сжатости и мѣткости черточки бралъ онъ нерѣдко прямо изъ жизни. Выраженіе „не нравится мнѣ это“, перешедшее такъ быстро изъ „Архіерея“ въ обиходъ широкой публики, было имъ почерпнуто отъ одного мрачнаго бродяги, полупьяницы, полупомѣшаннаго, полупророка. Также, помню, разговорились мы съ нимъ какъ-то о давно уже умершемъ московскомъ поэтѣ, и Чеховъ съ яркостью вспомнилъ и его, и его сожительницу, и его пустыя комнаты, и его сенъ-бернара „Дружка“, страдавшаго вѣчнымъ разстройствомъ желудка. „Какъ же, отлично помню, — говорилъ А. П., весело улыбаясь, — въ пять часовъ къ нему всегда входила эта женщина и спрашивала: „Ліодоръ Иванычъ, а, Ліодоръ Иванычъ, а что, вамъ не пора пиво пить?“ Я тогда же неосторожно сказалъ: ахъ, такъ вотъ откуда это у васъ въ Палатѣ № 6!“ — Ну да, оттуда, — отвѣтилъ А. П. съ неудовольствіемъ.

Были у него также знакомыя изъ тѣхъ средостѣнныхъ купчихъ, которыя, несмотря на милліоны и на самыя модныя платья, и на внѣшній интересъ къ литературѣ, говорили „едеяль“ и „принціпально“. Иныя изъ нихъ часами изливались передъ Чеховымъ: какія у нихъ необыкновенно тонкія, „нервенныя“ натуры, и какой бы замѣчательный романъ могъ сдѣлать „гинеяльный“ писатель изъ ихъ жизни, если бы все рассказать. А онъ ничего, сидѣлъ себѣ и молчалъ, и слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, — только подъ усами у него скользила чуть замѣтная, почти неуловимая улыбка.

Я не хочу сказать, что онъ *искалъ*, подобно многимъ другимъ писателямъ, моделей. Но мнѣ думается, что онъ всюду и всегда видѣлъ матеріалъ для наблюдений, и выходило у него это поневолѣ, можетъ быть, часто противъ желанія, въ силу давно изощренной и никогда неискоренимой привычки вдумываться въ людей, анализировать ихъ и обобщать. Въ этой сокровенной работѣ было для него, вѣроятно, все мученіе и вся радость вѣчнаго бессознательнаго процесса творчества.

Ни съ кѣмъ не дѣлился онъ своими впечатлѣніями, такъ же какъ никому не говорилъ о томъ, что и какъ собирается онъ писать. Также чрезвычайно рѣдко сказывался въ его рѣчахъ художникъ и беллетристъ. Онъ, отчасти нарочно, отчасти инстинктивно, употреблялъ въ разговорѣ обыкновенныя, среднія, общія выраженія, не прибѣгая ни къ сравненіямъ, ни къ картинамъ. Онъ берегъ свои сокровища въ душѣ, не позволяя имъ расточаться въ словесной пѣнѣ, и въ этомъ была громадная разница между нимъ и тѣми беллетристами, которые рассказываютъ свои темы гораздо лучше, чѣмъ ихъ пишутъ.

Происходило это, думаю, отъ природной сдержанности, но также и отъ особенной стыдливости. Есть люди, органически не переносящіе, болѣзненно стыдящіеся слишкомъ выразительныхъ позъ, жестовъ, мимики и словъ, и этимъ свойствомъ А. П. обладалъ въ высшей степени. Здѣсь-то, можетъ быть, и кроется разгадка его *кажушагося* безразличія къ вопросамъ борьбы и протеста, и равнодушія къ интересамъ злободневнаго характера, волновавшимъ и волнующимъ всю русскую интеллигенцію. Въ немъ жила боязнь паѳоса, сильныхъ чувствъ и неразлучныхъ съ ними нѣсколько театральныхъ эффектовъ. Съ однимъ только я могу сравнить такое положеніе: нѣкто любитъ женщину со всѣмъ пыломъ, нѣжностью и глубиной, на которые способенъ человѣкъ огромнаго ума и таланта. Но никогда онъ не рѣшится сказать объ этомъ пышными, выпренными словами и даже представить себѣ не

можетъ, какъ это онъ станетъ на колѣни и прижметъ одну руку къ сердцу, и какъ заговорить дрожащимъ голосомъ перваго любовника. И потому онъ любить и молчить, и страдаетъ молча, и никогда не отважится выразить то, что развязно и громко, по всѣмъ правиламъ декламациі изъясняетъ фатъ средняго пошиба.

VII.

Къ молодымъ, начинающимъ писателямъ Чеховъ былъ неизмѣнно участливъ, внимателенъ и ласковъ. Никто отъ него не уходилъ подавленный его огромнымъ талантомъ и собственной малозначительностью. Никому никогда не сказалъ онъ: „дѣлайте, какъ я; вотъ, смотрите, какъ я поступаю“. Если кто-нибудь въ отчаяніи жаловался ему: „развѣ стоитъ писать, если на всю жизнь останешься „нашимъ молодымъ“ и „подающимъ надежды“,—онъ отвѣчалъ спокойно и серьезно:

— Не всѣмъ же, батенька, писать, какъ Толстой.

Внимательность его бывала иногда прямо трогательной. Одинъ начинающій писатель пріѣхалъ въ Ялту и остановился гдѣ-то за Ауткой, на окраинѣ города, нанявъ комнату въ шумной и многочисленной греческой семьѣ. Какъ-то онъ пожаловался Чехову, что въ такой обстановкѣ трудно писать, и вотъ Чеховъ настоялъ на томъ, чтобы писатель непременно приходилъ къ нему съ утра и занимался у него внизу, рядомъ со столовой. „Вы будете внизу писать, а я сверху,—говорилъ онъ со своей очаровательной улыбкой. — И обѣдать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите, или, если уѣдете, пришлите хотя бы въ корректурѣ“.

Читалъ онъ удивительно много и всегда все помнилъ и никого ни съ кѣмъ не смѣшивалъ. Если авторы спрашивали его мнѣнія, онъ всегда хвалилъ и хвалилъ не для того, чтобы отвязаться, а потому что зналъ, какъ жестоко подрѣзаетъ слабыя крылья рѣзкая, хотя бы и справедливая критика, и какую бо-

дрость и надежду вливаетъ иногда незначительная похвала. „Читалъ вашъ разсказъ. Чудесно написано“, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ грубоватымъ и задушевымъ голосомъ. Впрочемъ, при нѣкоторомъ довѣріи и болѣе близкомъ знакомствѣ, и въ особенности по убѣдительной просьбѣ автора, онъ высказывался, хотя и съ осторожными оговорками, но опредѣленнѣе, пространнѣе и прямѣе. У меня хранятся два его письма, написанныя одному и тому же беллетристу, по поводу одной и той же вещи. Вотъ выдержка изъ перваго.

„Дорогой NN., повѣсть получилъ и прочелъ, большое Вамъ спасибо. Повѣсть хороша, прочелъ я ее въ одинъ разъ, какъ и предыдущую, и получилъ одинаковое удовольствіе“...

Но такъ какъ авторъ не удовольствовался одной похвалой, то вскорѣ онъ получилъ отъ А. П. другое письмо.

„Вы хотите, чтобы я говорилъ только о недостаткахъ, и этимъ ставите меня въ затруднительное положеніе. Въ этой повѣсти недостатковъ нѣтъ, и если можно не соглашаться, то лишь съ особенностями ея нѣкоторыми. Напримѣръ, героевъ своихъ, актеровъ, Вы трактуете по старинкѣ, какъ трактовались они уже лѣтъ сто, всѣми писавшими о нихъ,—ничего новаго. Во-вторыхъ, въ первой главѣ Вы заняты описаніемъ наружностей — опять таки по старинкѣ, описаніемъ, безъ котораго можно обойтись. Пять опредѣленно изображенныхъ наружностей утомляютъ вниманіе и въ концѣ концовъ теряютъ свою цѣнность. Бритые актеры похожи другъ на друга, какъ ксендзы, и остаются похожими, какъ бы старательно Вы ни изображали ихъ. Въ третьихъ, грубоватый тонъ, излишества въ изображеніи пьяныхъ. Вотъ и все, что я могу Вамъ сказать въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ о недостаткахъ, больше ужъ ничего придумать не могу“.

Къ тѣмъ изъ писателей, съ которыми у него возникала хоть какая-нибудь духовная связь, онъ всегда относился бережно и внимательно. Никогда онъ не

упускалъ случая сообщить извѣстіе, которое, онъ зналъ, будетъ пріятно или полезно.

„Дорогой NN., — писалъ онъ одному знакомому, — симъ извѣщаю Васъ, что Вашу повѣсть читалъ Л. Н. Толстой и что она ему *очень* понравилась. Будьте добры, пошлите ему Вашу книжку по адресу: Кореизъ, Таврич. губ., и въ заглавіи подчеркните рассказы, которые вы находите лучшими, чтобы онъ, читая, началъ съ нихъ. Или книжку пришлите мнѣ, а я ужъ передамъ ему“.

Къ пишущему эти строки онъ также проявилъ однажды милую любезность, сообщивъ письмомъ, что „въ Словарѣ русскаго языка, издаваемомъ Академіей наукъ, въ шестомъ выпускѣ второго тома, который (т. е. выпускъ) я сегодня получилъ, показались наконецъ и Вы. Такъ, на страницѣ 1868“ и т. д.

Все это, конечно, мелочи, но въ нихъ сквозить такъ много участія и заботливости, что теперь, когда нѣтъ уже больше этого изумительнаго художника и прекраснаго человѣка, его письма пріобрѣтаютъ значеніе какой-то далекой, невозвратимой ласки.

— Пищите, пищите, какъ можно больше, — говорилъ онъ начинающимъ беллетристамъ. — Не бѣда, если у васъ не совсѣмъ выходитъ. Потомъ будетъ выходить лучше. А главное, не тратьте понапрасну молодости и упругости: теперь вамъ только и работать. Смотрите: вотъ вы пишете чудесно, а лексиконъ у васъ маленькій. Нужно набираться словъ и оборотовъ, а для этого необходимо писать каждый день.

И онъ самъ неустанно работалъ надъ собой; обогащая свой прелестный, разнообразный языкъ отовсюду: изъ разговоровъ, изъ словарей, изъ каталоговъ, изъ ученыхъ сочиненій, изъ священныхъ книгъ. Запасъ словъ у этого молчаливаго человѣка былъ необычайно громаденъ.

— Слушайте: ѣздите почаще въ III классъ, — совѣтовалъ онъ. — Я жалѣю, что болѣзнь мѣшаетъ мнѣ теперь ѣздить въ III классъ. Тамъ иногда услышишь замѣчательно интересныя вещи.

Удивлялся онъ также тѣмъ писателямъ, которые по цѣлымъ годамъ не видятъ ничего, кромѣ сосѣдняго брандмауера изъ оконъ своихъ петербургскихъ кабинетовъ. И часто онъ говорилъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія:

— Не понимаю, отчего вы — молодой, здоровый и свободный, не поѣдете, напримѣръ, въ Австралію (Австралія была почему-то его излюбленной частью свѣта), или въ Сибирь? Какъ только мнѣ станетъ получше, я непремѣнно опять поѣду въ Сибирь. Я тамъ былъ, когда ѣздили на Сахалинъ. Вы представить себѣ не можете, батенька, какая это чудесная страна. Совсѣмъ особое государство. Знаете, я убѣжденъ, что Сибирь когда-нибудь совершенно отдѣлится отъ Россіи, вотъ такъ же, какъ Америка отдѣлилась отъ метрополіи. Поѣзжайте, поѣзжайте туда непремѣнно...

— Отчего вы не напишете пьесу?—спрашивалъ онъ иногда.—Да напишите же, въ самомъ дѣлѣ. Каждый писатель долженъ написать, по крайней мѣрѣ, четыре пьесы.

Но тутъ же онъ соглашался, что драматическій родъ сочиненій теряетъ съ каждымъ днемъ интересъ въ наше время. „Драма должна или выродиться совсѣмъ, или принять совсѣмъ новыя, невиданныя формы,—говорилъ онъ.—Мы себѣ и представить не можемъ, чѣмъ будетъ театръ черезъ сто лѣтъ“.

Бывали у А. П. иногда маленькія противорѣчія, которыя въ немъ казались особенно привлекательными и въ то же время имѣли глубокий внутренній смыслъ. Такъ было однажды съ вопросомъ о записныхъ книжкахъ. Чеховъ только-что съ увлеченіемъ убѣждалъ насъ не обращаться къ ихъ помощи, полагаясь во всемъ на память и на воображеніе. „Крупное само останется,—доказывалъ онъ,—а мелочи вы всегда изобрѣтете, или отыщете“. Но вотъ, спустя часъ, кто-то изъ присутствующихъ, прослужившій какъ-то годъ на сценѣ, сталъ рассказывать о своихъ театральныхъ впечатлѣніяхъ и, между прочимъ, упомянулъ о такомъ случаѣ. Идетъ дневная репетиція въ садовомъ театрѣ малень-

каго провинціального городка. Первый любовникъ въ шляпѣ и въ клѣтчатыхъ панталонахъ, руки въ карманахъ, расхаживаетъ по сценѣ, рисуясь передъ случайной публикой, забредшей въ зрительный залъ. Энженю-комикъ, его „театральная“ жена, тоже находившаяся на сценѣ, обращается къ нему: „Саша, какъ это ты вчера напѣвалъ изъ Паяцевъ? Насвищи пожалуйста“. Первый любовникъ поворачивается къ ней, медленно мѣрять ее съ ногъ до головы уничтожающимъ взоромъ и говоритъ жирнымъ актерскимъ голосомъ: „Что-о? Свистать на сценѣ? А въ церкви ты будешь свистать? Такъ знай же, что сцена—тотъ же храмъ!“

Послѣ этого разсказа, А. П. сбросилъ *pince-nez*, откинулся на спинку кресла и захохоталъ своимъ громкимъ, яснымъ смѣхомъ. И тотчасъ же полѣзъ въ боковую ящикъ стола за записной книжкой. „Постойте, постойте, какъ вы это разсказывали? Сцена это храмъ?..“ И записалъ весь анекдотъ.

Въ сущности, даже и противорѣчія во всемъ этомъ не было, и самъ А. П. потомъ объяснилъ это. „Не надо записывать сравненій, мѣткихъ черточекъ, подробностей картинъ природы—это должно появиться само собой, когда будетъ нужно. Но голый фактъ, рѣдкое имя, техническое названіе надо занести въ книжку—иначе забудется, разсѣется“.

Нерѣдко вспоминалъ Чеховъ тѣ тяжелыя минуты, которыя ему доставляли редакціи серьезныхъ журналовъ до той поры, пока съ легкой руки „Сѣвернаго Вѣстника“ онъ не завоевалъ ихъ окончательно.

— Въ одномъ отношеніи вы всѣ должны быть мнѣ благодарны,—говорилъ онъ молодымъ писателямъ.— Это я открылъ путь для авторовъ маленькихъ разсказовъ. Прежде, бывало, принесешь въ редакцію рукопись, такъ ее даже читать не хотятъ. Только посмотрятъ съ пренебреженіемъ. „Что? Это называется—произведеніемъ? Да вѣдь это короче воробынаго носа. Нѣтъ, намъ такихъ *штучекъ* не надо“. А я вотъ добился и другимъ указалъ дорогу. Да это еще что,

такъ ли со мной обращались! Имя мое сдѣлали нарицательнымъ. Такъ и острили, бывало: эхъ вы, Че-хо-вы! Должно быть, это было смѣшно.

Антонъ Павловичъ держался высокаго мнѣнія о современной литературѣ, т. е., собственно говоря, о техникѣ теперешняго письма. „Всѣ нынче стали чудесно писать, плохихъ писателей вовсе нѣтъ,—говорилъ онъ рѣшительнымъ тономъ.—И оттого-то теперь все труднѣе становится выбиться изъ неизвѣстности. И, знаете, кто сдѣлалъ такой переворотъ? Мопассанъ. Онъ, какъ художникъ слова, поставилъ такія огромныя требованія, что писать по старинкѣ сдѣлалось ужъ больше невозможнымъ. Попробуйте-ка вы теперь перечитать нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ, ну хоть Писемскаго или Островскаго, нѣтъ, вы попробуйте только, и увидите, какое это все старье и общія мѣста. За то возьмите, съ другой стороны нашихъ декадентовъ. Это они лишь притворяются больными и безумными,—они всѣ здоровые мужики. Но писать—мастера.“

Въ то же время онъ требовалъ отъ писателей обыкновенныхъ житейскихъ сюжетовъ, простоты изложенія и отсутствія эффектныхъ колѣнцевъ. „Зачѣмъ это писать,—недоумѣвалъ онъ,—что кто-то сѣлъ на подводную лодку и поѣхалъ къ сѣверному полюсу искать какого-то примиренія съ людьми, а въ это время его возлюбленная съ драматическимъ воплемъ бросается съ колокольни? Все это неправда и въ дѣйствительности этого не бываетъ. Надо писать просто: о томъ, какъ Петръ Семеновичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Вотъ и все. И потомъ, зачѣмъ эти подзаголовки: психическій этюдъ, жанръ, новелла? Все это однѣ претензіи. Поставьте заглавіе попроще,—все-равно, какое придетъ въ голову—и больше ничего. Также поменьше употребляйте кавычекъ, курсивовъ и тире—это манерно“.

Еще училъ онъ, чтобы писатель оставался равнодушенъ къ радостямъ и огорченіямъ своихъ героевъ. „Въ одной хорошей повѣсти,—разсказывалъ онъ,—я прочелъ описаніе приморскаго ресторана въ большомъ

городѣ. И сразу видно, что автору въ диковинку и эта музыка, и электрическій свѣтъ, и розы въ петлицахъ, и что онъ самъ любитъ на нихъ. Такъ—нехорошо. Нужно стоять внѣ этихъ вещей, и хотя знать ихъ хорошо, до мелочи, но глядѣть на нихъ какъ бы съ презрѣніемъ, сверху внизъ. И выйдетъ вѣрно“.

VIII.

Сынъ Альфонса Додэ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ упоминаетъ о томъ, что этотъ талантливый французскій писатель, полушутя, называлъ себя „продавцомъ счастья“. Къ нему постоянно обращались люди разныхъ положеній за совѣтомъ и за помощью, приходили со своими огорченіями и заботами, и онъ, уже прикованный къ креслу неизлѣчимой, мучительной болѣзнью, находилъ въ себѣ достаточно мужества, терпѣнія и любви къ человѣку, чтобы войти душой въ чужое горе, утѣшить, успокоить и ободрить.

Чеховъ, конечно, по своей необычайной скромности и по отвращенію къ фразѣ, никогда не сказалъ бы о себѣ ничего подобнаго, но какъ часто приходилось ему выслушивать тяжелыя исповѣди, помогать словомъ и дѣломъ, протягивать падающему свою нѣжную и твердую руку. Въ своей удивительной объективности, стоя выше частныхъ горестей и радостей, онъ все зналъ и видѣлъ; но ничто личное не мѣшало его проникновенію; онъ могъ быть добрымъ и щедрымъ, не любя, ласковымъ и участливымъ, безъ привязанности,—благодѣтелемъ, не разсчитывая на благодарность. И въ этихъ чертахъ, которыя всегда оставались неясными для его окружающихъ, кроется, можетъ быть, главная разгадка его личности.

Пользуясь позволеніемъ одного моего друга, я приведу коротенькій отрывокъ изъ чеховскаго письма. Дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ переживалъ болѣшую тревогу во время первой беременности горячо любимой жены и, по правдѣ сказать, порядочно докучалъ А. П. своей болью. И вотъ, Чеховъ однажды написалъ ему:

„Скажите Вашей женѣ, чтобы не беспокоилась, все обойдется благополучно. Роды будутъ продолжаться часовъ 20, а потомъ наступитъ блаженнѣйшее состояніе, когда она будетъ улыбаться, а Вамъ будетъ хотѣться плакать отъ умиленія. 20 часовъ—это обыкновенный maximum для первыхъ родовъ“.

Какое тонкое вниманіе къ чужой тревогѣ слышится въ этихъ немногихъ, простыхъ строчкахъ. Но еще характернѣе то, что когда впослѣдствіи, уже сдѣлавшись счастливымъ отцомъ, этотъ мой пріятель спросилъ, вспомнивъ о письмѣ, откуда Чеховъ такъ хорошо знаетъ эти чувства, А. П. отвѣтилъ спокойно, даже равнодушно:

— Да вѣдь, когда я жилъ въ деревнѣ, мнѣ постоянно приходилось принимать у бабъ. *Все равно—и тамъ такая же радость.*

Если бы Чеховъ не былъ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, онъ былъ бы прекраснымъ врачомъ. Доктора, приглашавшіе его изрѣдка на консультаціи, отзывались о немъ, какъ о чрезвычайно вдумчивомъ наблюдателѣ и находчивомъ, проницательномъ діагностѣ. Да и не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы его діагнозъ оказался совершеннѣе и глубже діагноза, поставленнаго какой-нибудь дутой модной знаменитостью. Онъ видѣлъ и слышалъ въ человѣкѣ—въ его лицѣ, голосѣ и походкѣ—то, что было скрыто отъ другихъ, что не поддавалось, ускользало отъ глаза средняго наблюдателя.

Самъ онъ предпочиталъ совѣтовать, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда къ нему обращались, средства испытанныя, простыя, по преимуществу домашнія. Между прочимъ, чрезвычайно удачно лѣчилъ онъ дѣтей.

Вѣрилъ онъ въ медицину твердо и крѣпко, и ничто не могло пошатнуть этой вѣры. Помню я, какъ однажды онъ разсердился, когда кто-то началъ свысока третировать медицину, по роману Золя—„Докторъ Паскаль“.

— Золя вашъ ничего не понимаетъ и все выдумываетъ у себя въ кабинетѣ,—сказалъ онъ, волнуясь и

покашливая.—Пусть бы онъ поѣхалъ и посмотрѣлъ, какъ работаютъ наши земскіе врачи, и что они дѣлаютъ для народа.

И кто же не знаетъ, какими симпатичными чертами, съ какой любовью и какъ часто описывалъ онъ этихъ чудныхъ тружениковъ, этихъ неизвѣстныхъ и незамѣтныхъ героевъ, сознательно осуждающихъ свои имена на забвеніе?

IX.

Есть изреченіе: смерть cadaго челоѡка на него похожа. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о послѣднихъ годахъ жизни Чехова, о послѣднихъ его дняхъ, даже о послѣднихъ минутахъ. Даже въ самыя его похороны судьба внесла, по какой-то роковой послѣдовательности, много чисто чеховскихъ чертъ.

Боролся онъ съ неумолимой болѣзнью долго, страшно долго, но переносилъ ее мужественно, просто и терпѣливо, безъ раздраженія, безъ жалобъ, почти безъ словъ. За послѣднее время лишь мимоходомъ, небрежно упоминаетъ онъ въ письмахъ о своемъ здоровьѣ. „Здоровье мое поправилось, хотя все еще хожу съ компрессомъ...“ „Только-что перенесъ плевритъ, но теперь мнѣ лучше...“ „Здоровье мое не важно... пишу по-немногу“...

Не любилъ онъ говорить о своей болѣзни и сердился, когда его спрашивали. Только, бывало, и узнаешь что-нибудь отъ Арсенія. „Сегодня утромъ очень плохо было—кровь шла“, скажетъ онъ шопотомъ, покачивая головой. Или Евгенія Яковлевна сообщить по секрету съ тоской въ голосъ:

— А сегодня Антоша опять всю ночь ворочался и кашлялъ. Мнѣ черезъ стѣнку все слышно.

Зналъ ли онъ размѣры и значеніе своей болѣзни? Я думаю, зналъ, но безтрепетно, какъ врачъ и мудрецъ, глядѣлъ въ глаза надвигающейся смерти. Были разныя мелкія обстоятельства, указывавшія на это. Такъ, на примѣръ, одной дамѣ, жаловавшейся ему на бессон-

ницу и нервное разстройство, онъ сказалъ спокойно, съ едва лишь уловимымъ оттѣнкомъ покорной грусти:

— Видите ли: пока у человѣка хороши легкія, все хорошо.

Умеръ онъ просто, трогательно и сознательно. Говорятъ, послѣднія его слова были: „*ich sterbe*“! И послѣдніе его дни были омрачены глубокой скорбью за Россію, были взволнованы ужасомъ этой кровопролитной, чудовищной войны...

Точно сонъ, припоминаются его похороны. Холодный, сѣренькій Петербургъ, путаница съ телеграммами, маленькая кучка народу на вокзалѣ, „вагонъ для устрицъ“, станціонное начальство, никогда не слыхавшее о Чеховѣ и видѣвшее въ его тѣлѣ только желѣзнодорожный грузъ. Потомъ, какъ контрастъ, Москва: стихійное горе, тысячи точно осиротѣвшихъ людей, заплаканные лица. И наконецъ, могила на Новодѣвичьемъ кладбищѣ, вся заваленная цвѣтами, рядомъ со скромной могилой „вдовы козака Ольги Кукаретниковой“.

Вспоминается мнѣ панихида на кладбищѣ на другой день послѣ его похоронъ. Былъ тихій іюльскій вечеръ, и старыя липы надъ могилами, золотыя отъ солнца, стояли не шевелясь. Тихой, покорной грустью, глубокими вздохами звучало пѣніе нѣжныхъ женскихъ голосовъ. И было тогда у многихъ въ душѣ какое-то растерянное, тяжелое недоумѣніе.

Расходились съ кладбища медленно, въ молчаніи. Я подошелъ къ матери Чехова и безъ словъ поцѣловалъ ее руку. И она сказала усталымъ, слабымъ голосомъ:

— Вотъ, горе-то у насъ какое...

О, эта потрясающая глубина простыхъ, обыкновенныхъ, истинно чеховскихъ словъ! Вся громадная бездна утраты, вся невозвратимость совершившагося событія открылась за ними. Нѣтъ, утѣшенія здѣсь были бы безсильны. Развѣ можетъ истощиться, успокоиться горе тѣхъ людей, души которыхъ такъ близко прикасались къ великой душѣ избранника?

Но пусть облегчить ихъ неутолимую тоску сознание, что ихъ горе—и наше общее горе. Пусть смягчится оно мыслью о незабвенности, о безсмертіи этого прекраснаго, чистаго имени. Въ самомъ дѣлѣ: пройдутъ годы и столѣтія, и время сотретъ даже самую память о тысячахъ тысячъ живущихъ нынѣ людей. Но далекіе грядущіе потомки, о счастья которыхъ съ такой очаровательной грустью мечталъ Чеховъ, произнесутъ его имя съ признательностью и съ тихой печалью о его судьбѣ.

